

— Да, он крупный игрок, но это только сейчас. Предоставь его мне! — сказал Биджима, хлопнув Прайса по плечу прежде, чем шагнул вперёд.

Заметил ли Ди странные изменения, которые претерпевал живот мужчины?

— Ты знаешь, что у меня есть прозвище. Звучит как-то нелепо, но меня называют «Биджима Второй Желудок». Деревня, в которой я рос, была бедной и холодной, как сам ад. Злобные жуки или демонические змеи, если они были съедобными, я ел всё. И я так старался продлить это как можно дольше, что всё закончилось вот так. В любом случае, я надеюсь, что ты не будешь сопротивляться и насладишься шоу, — посмеиваясь, Биджима добавил: — Единственная проблема в том, что ты сейчас ни черта не видишь.

Его униформа разошлась посередине. Поскольку все кнопки остались на месте, он, несомненно, внёс некоторые изменения вроде застёжки-липучки, чтобы она просто распахивалась, когда его живот начинает меняться. Но не только одежда Биджимы раскрылась. Живот Биджимы тоже раскрылся, обнажая тёмно-красные внутренности. Опасные твари выплеснулись из раны на шуршащую траву. Ядовитый полосатый змей, смертоносные скорпионы с поднятыми хвостами, газообразные существа, окутанные белой дымкой — их было больше, чем пара разновидностей. Даже одно такое существо представляло собой тошнотворное зрелище, но всё больше и больше тварей падало на землю и начинало прокладывать путь через траву к Ди, Раю и Амне.

Возможно, Ди как-то мог справиться с монстрами. Как бы то ни было, Рай и Амне вглядывались в пучину смерти около пяти секунд.

Амне беззвучно упала в обморок.

И вот это произошло. Песня, что поднималась из глубин земли. Словно окатила полдень ночью.

Куда сильнее, чем жуткие монстры, подземная камера приковала взгляд Рая. На его глазах монстры поползли назад, шурша в траве, словно ручей. Проползая через отверстие, они превратились в разноцветный поток, льющийся прямо вниз по лестнице, ведомые нечестивой мелодией прямо к собственной смерти.

— Сукин сын! — гневно закричал Биджима. Решив предоставить возмездие ветру, он выхватил палаш и направил его силу прямо на Ди.

Это была величайшая ошибка в его жизни.

Хотя Ди якобы не мог видеть, его клинок оставил серебристые полосы в воздухе.

Ощувив что-то горячее рядом со своим телом, Биджима по привычке бросился бежать и рухнул в яму.

Рай подбежал к Ди. Прайс бросился бежать к горам, как только Биджима направил свой клинок на Ди.

— Это было невероятно! Ты ранил этого ублюдка с одного удара. И ты видишь после всего! — но после этой фразы парень прикусил язык.

Глаза Ди оставались полностью закрытыми. И после того, как клинок вернулся в ножны, фигура в чёрном вдруг пошатнулась.

— Отверстие где-то здесь? — спросил он, с лёгкостью повернувшись в верном направлении.

Рай до кончиков ушей наполнился таким трепетом, что это заставило его задрожать, глядя на Охотника, а затем он закричал:

— Оно закрывается! — но его крик раздался слишком поздно. Массивный каменный столб повернулся в направлении, противоположном тому, в котором открылся, и прежде чем Ди успел сделать хотя бы один шаг к нему, отверстие в земле закрылось навсегда.

Они вернулись в дом мэра примерно в то время, когда лес и река окрасились голубым. Слеплённый Ди сказал, что он собирается проверить другой участок руин, и хотя он был не из тех, кто просит о помощи, Рай и Амне решили сопровождать его.

Было удивительно, что он, казалось, мог «видеть» всё гораздо лучше, чем парень или девушка. Когда они въехали в лес, чтобы сократить путь, Ди быстро приказал им поднять верх повозки. Сделав так, как он сказал, даже не зная почему, они не получили даже минуты перед нападением роя золотых ядовитых ос.

Эти твари не отступали до смерти своей добычи, и они накатывали волна за волной. Единственным способом спастись было полное уничтожение роя, для чего нужно было выйти наружу, или страдать от каждого болезненного ядовитого укуса.

Но Ди выбрал другой способ. Он вогнал клинок прямо в сердце жужжащего кокона насекомых через покрытие повозки. Когда он втянул оружие обратно, золотая королева роя была наколота на кончик его клинка. Лишившись предводителя, осы немедленно разлетелись. Нанося удар через крышу повозки, Охотник не мог видеть свою цель. Единственное, на что ему приходилось полагаться, это то, что звон крыльев королевы отличался от обычных ос. Видимо, слух Ди был настолько острым, что он мог различить звук одних крыльев из тысяч.

В окрестностях села насчитывалось более десятка руин. Домики отдыха Аристократов, арены для механических гладиаторов, плотины, изменяющие течение реки, чтобы услаждать глаз — и, стоя в одиночестве на фоне этих разрушающихся строений в море зелени, молодой человек в чёрном выглядел прекрасной иллюзией. Но иллюзии, в конечном счёте, исчезают с течением времени. Но то, что видели парень и девушка — элегантность и одиночество этого человека — видение, которому не позволено исчезнуть никогда.

Когда Ди встал на каменную стену сада, который уже давно превратился в зелёный лес, Рай подошёл и тихо спросил:

— Ты, случайно, не вампир, а?

— Ты можешь определить? — спросил Ди.

Рай кивнул.

— В конце концов, развалины Аристократов просто кажутся слишком подходящими для тебя. И это пугает. Впервые в жизни я поймал себя на мысли, что было бы неплохо, если бы от Аристократов осталось больше разных вещей в нашем мире.

— То, что утеряно, никогда не вернётся. Солнце зашло для одного мира, и он больше не увидит рассвет. Оно принадлежит другому времени.

— Ты говоришь об Аристократах и нас?

— Ты слышал рассказы об Аристократах?

— Когда я был ребёнком, я всё время слышал их от моей болтушки-няни, — отозвался парень.

— И ты помнишь их?

— Да. Каждую из них.

— И все они были страшными?

— Почти все. Но были и хорошие тоже. Рассказы о том, как некоторые машины, оставленные Аристократами, исцеляли кого-то от неизлечимой болезни, или рассказывали о луне и звёздах.

— Почему ты запомнил их? — спросил его Охотник.

— Потому что они делали Аристократов счастливыми?

— Нет, я не думаю, что для них это было важно. Они бы никогда не хотели этого. Возможно, это было их желание — угаснуть без малейших напоминаний о себе.

— Тогда нет смысла вспоминать, так?

— Не в том, что касается Аристократов, — сказал Ди, устремляя невидящий взгляд на стены замка. На секунду Раю показалось, что прекрасный Охотник может исчезнуть в том направлении. — Размышления и воспоминания имеют значение только для тех, кто это делает. Это не причина изучить или узнать что-то, это просто воспоминания о давних вещах и делах. Возможно, ты должен назвать это «благодарностью».

— Благодарность? — хотя Рай пытался постигнуть божественный смысл слов Ди, ему это не особо удавалось. Тогда он задал другой вопрос: — Тогда почему ты следил за мной? — и Ди ничего не ответил.

Почувствовав что-то неприступное в Охотнике, Рай вернулся к ожидающей Амне и был страшно удивлён. На глазах своевольной девушки, возглавляющей общество исторических исследований, блеснули слёзы.

— Что с тобой такое? Выглядишь ужасно. Если ты рыдаешь каждый раз, когда видишь красивого парня, то люди примут тебя за идиотку.

— Ты засранец, — вот всё, что успела сказать девушка, и тут же икнула. — Разве тебя это не печалит? Ты ничего не чувствуешь, когда смотришь на него? Он несёт очень давнее, давнее бремя. Бремя того, что уже давно утеряно. Из-за него, я уверена, он никогда...

— Они никогда что?

— Я не знаю. Просто не могу подобрать верные слова. Но ты тоже должен видеть это. Если ты не видишь, ты должен быть полным болваном, — девушка всё продолжала вздрагивать, и Рай нежно погладил её по спине. — Прости, — сказала она. — Я не хотела называть тебя болваном.

— Всё в порядке. Я привык к этому.

— Он собирается уйти.

— Все уходят, ты знаешь.

— Ты всего лишь ребёнок, так что не говори банальности.

— Но это правда, — сказал ей Рай. — Даже не зная, куда мы точно идём, мы всё равно уходим. Аристократы не знали — и мы, люди, тоже не понимаем.

Когда икота Амне стала особенно сильной, Ди подошёл к ним.

— Это ты заставил её плакать? — спросил Охотник.

— Ни за что, — ответил Рай.

— Ты будешь настоящим сердцеедом.

— Ты последний человек, от которого я хотел бы это услышать, — ответил парень. — Мы идём?

— Конечно! — ответила Амне, энергично кивнул, хотя её глаза опухли от слёз.

II.

Мэра не было в её доме. Когда они спросили у слуг о её местоположении, они ответили, что она не появлялась со своего отъезда.

— Я отправляюсь в особняк, — сказал Ди. — Вы двое можете пройти со мной часть пути, а затем возвращайтесь в гостиницу.

— Сейчас уже много времени, солнце опустится прежде, чем мы доберёмся до гостиницы, — ответил Рай. — Мы останемся здесь. Если мы закроем все замки, то всё будет хорошо.

Плюс, у меня есть беруши. Если песня попытается заманить меня, она делала это и прошлой ночью. Но если ты действительно беспокоишься о нас, возвращайся скорее.

— Понял, — сказал Ди, взглянув сначала на Амне, затем на Рая. — Позаботься о ней хорошенько, сердцеед.

Парень даже не успел возмутиться последней фразой прежде, чем Ди ушёл.

Тьма быстро сгушалась. Мэр так и не вернулась домой. Слуги указали парню и девушке их комнаты.

Сразу же после того, как Рай забрался в кровать, он услышал стук. Подойдя к двери, он спросил кто там, и женский голос ответил:

— Я.

— Что случилось?

— Открой. Мне так страшно одной, что я не могу заснуть.

Амне была одета в пижаму. Рай вспомнил, что двадцать лет назад у мэра был ребёнок,

которого увела песня.

— О, девочка? — сказал он сам себе.

— Ты чертовски прав, я девушка. Где раньше были твои глаза?

— Нет, я имел в виду не тебя.

Амне пристально смотрела на парня, затем она вдруг бросилась к нему и велела себя обнять.

— Зачем?

— Мне страшно, идиот, — хотя она продолжала прижиматься к нему, несмотря на все его попытки оттолкнуть её, её соблазнительные формы заставили Рая думать о чём-то другом.

Неожиданно парень сказал:

— Ты знаешь, что я тоже скоро уйду.

— Не пытайся походить на мистера Ди. Вернувшись в гостиницу, мы бы не были в меньшинстве и могли бы попросить помощи, — сказала Амне, вкладывая больше силы в руки, обнимавшие Рая.

Стараясь освободиться от девушки, Рай поднялся на ноги. Тяжесть его взгляда, сосредоточенного на двери, превратила гнев Амне в страх.

— Что это? — спросила девушка.

— Кто-то идёт.

— Что?

— С первого этажа. Они поднимутся по лестнице в любую минуту. И там не один человек.

— Ну, я ничего не слышу. А как ты узнал об этом?

Но Рай не мог позволить этому вопросу взволновать себя. Шаги на первом этаже теперь стали подниматься по лестнице, и даже Амне смогла расслышать их прямо за дверью.

— Мне это не нравится, — сказала девушка. — Кто это может быть? Я не думаю, что в доме может быть так много людей.

Когда Рай начал рассматривать возможность сбежать через окно, раздался звук отпираемого замка, и дверь медленно отворилась. Фигура, что приближалась к ним в полумраке, была знакома обоим. И были ещё другие, что держались позади.

— Оказывается, ты ещё не спишь, — сказала фигура.

— Но ты... — начала Амне, клацая зубами.

— Мадам мэр, — сказал Рай.

* * *

Ди спешил во дворе. Плотные испарения наполняли разрушенный сад в этот вечер. Лунный свет. Он посмотрел на окно. Человеческая фигура таяла в неровном свете лампы.

Ди вошёл в особняк. Прокладывая путь через древний коридор, он казался частью всего этого, так ночной особняк подходил ему. Больше, чем кто-либо другой, молодой человек подходил к его разрушениям.

Дверь комнаты была открыта. Красивая фигура, сидящая у окна, повернулась лицом к Ди.

— Немного поздно, не так ли? — с издёвкой сказал Прайс.

— Что ты делаешь?

— Я жду. Певицу. Я тоже понимаю красоту ночи, — как только он убедился, что глаза Ди всё ещё закрыты, на его лице отобразилось удивление.

— И ты собираешься стать слугой ночи? — спросил Охотник.

— Почему ты это спрашиваешь? Ты уже кое-что понял после всего, не так ли? Ещё один раз я задам тебе тот же вопрос. Зачем ты пришёл сюда, Ди?

— Но это не то, что решает певица, — продолжил Ди свинцовым голосом.

— Ну, тогда кто решает?

— Воля ночи — тот, кто создал и певицу, и песню.

— И это будет?.. — начал вопрос Прайс, покидая своё место у окна без единого звука. Его глаза светились красным огнём.

Стул у окна оказался занят певицей. Прайс оцепенел, глядя на женщину в её паутинообразном наряде.

— Я слышал твою песню, — рассеянно сказал Прайс. — Вот почему я пришёл сюда. Я, наконец, понял, что я был избран.

— Но нужен только один из вас, — прокрался в его голову голос — голос дамы. Голос настолько прекрасный, что невозможно было понять, что это за женщина.

— Тогда это буду я.

— Есть ещё один. И он точно придёт сюда.

— Итак, кто будет это решать?

— Воля ночи.

Прайс посмотрел на Ди. Человека, что дал тот же ответ, что и призрачная певица, превратившегося в статую того же оттенка, что и сама тьма.

— Кто ты? — спросил он. — Что ты такое? — ответ на его вопрос пришёл незамедлительно.

— Я Охотник на вампиров, — но следующие слова Ди были обращены к иллюзии: — Ты не единственная.

— Да? — голос в его голове смолк, и фигура на фоне окна задвигалась, словно желая показать, как она потрясена.

— Возможно, ты прав. Но кто мог знать, что есть более одной меня? Это то, в чём я не уверена.

— Когда другая будет здесь?

— Скоро.

Услышав этот ответ, Прайс повернулся к Ди с ужасно горящими глазами.

— Когда то время наступит, только ты будешь стоять на моём пути, — это был вызов. — Я думаю, что избавлюсь от тебя сейчас. Однако сделать такое здесь было бы слишком неприличным. Сделаем это в саду.

Под бледным лунным светом пара вышла на выложенный мрамором квадрат. Кроны деревьев исполняли музыку ночи.

Ветер.

У кого из них было здесь преимущество? Ди был ослеплён. Прайс был невредим. Однако его глаза зла не могли снова послужить ему против Охотника, и он, казалось, не смог бы тягаться в фехтовании даже с незрячим Ди.

— Иду на тебя! — сказал Прайс, бросаясь вправо. Его палаш раскручивался без цели, в то время как пальцы скользили по клавишам пульта дистанционного управления, что он держал в руке.

Мраморные блоки под ногами Ди перевернулись. Поднятые пламенем, камни закрыли небо. Пять языков пламени вырвались наружу.

Он не думал, что этого будет достаточно, чтобы убить Ди. Стоя на вершине разрушающегося фонтана, Прайс оглядел окрестности. Весь сад был окутан проводами тоньше, чем паутина, и если приложить определённое количество напряжения к одной из этих линий, это будет смертельный удар.

Пять арбалетов, что он настроил, послали железные стрелы вправо. Когда Прайс понял, что все они были сбиты с таким мелодичным звоном, какой только можно себе представить, он раскидал дымовые шашки везде, где только мог, и затаил дыхание. Возможность полностью скрывать признаки своего присутствия была одной из отличительных способностей этого прекрасного воина.

Чёрная тень неожиданно оказалась прямо перед ним. Когда Прайс отшатнулся назад, холодный воздух ножом впился в его плечо.

С окровавленным клинком в правой руке, Ди бросился вперёд. Но пение остановило его атаку.

Песня лилась с губ воина, который зажимал плечо, из которого струилась густая красная кровь. Невозможно было игнорировать ноктюрн Аристократов.

За долю секунды широкий клинок пронзил грудь зачарованного Ди.

Не оглядываясь на раненного Охотника, Прайс помчался к особняку. Он услышал стук копыт лошадей-киборгов, въезжающих в сад.

Другой — в тот момент, когда он оставил Ди, хриплый голос рядом с левой рукой Охотника сказал:

— О, а ты хитрец, всё нормально, — но у воина не было времени на остановки, когда он помчался в сторону вновь прибывших.

III.

Рай выбрался из повозки. Автомобиль, который он взял в доме мэра, был остановлен группой из шести человек. Его законный владелец, Амне и обитатели подземной камеры встали вокруг него.

Прайс мчался к ним. Глядя на Рая, он сказал:

— Ты или я — кого из нас двоих ты выберешь?

— Не нам выбирать, — сказала ему мэр. — Тому, кто привёл этот план в исполнение более десяти тысяч лет назад. Я только вчера это осознала.

Послушай девушку.

За мэром стояла девушка с чёрными волосами, улыбающаяся, словно сама ночь. Это была её дочь, пропавшая более двадцати лет назад.

— Видите ли, когда дочь мэра вернулась домой, она скрыла её в подземной камере. Фундамент её дома соединён с пространством под концертным залом. Её дочь и остальные люди, призванные песней, соединили их, — сказала Амне, будто умоляя воина. Это была правда, которую больше нельзя было скрывать. — И все эти люди жили там. Не пробуя крови; просто пели эту песню целую вечность...

— Причина, по которой мне позволили вернуться, это то, что я могла провести необходимую подготовку к этому вечеру, — холодно сказала дочь мэра.

По тому, как она посмотрела на него, Прайс понял, что он проиграл.

— Значит, всё уже решено, так? — спросил воин. Это был глупый вопрос.

— Да. И это не ты.

— Что с ним произойдёт? — спросил Прайс, мотнув подбородком в сторону Рая.

— Он станет прекрасным певцом, я думаю. Это результат эксперимента, проведённого одним великим человеком под особняком. Он будет жить вечно, не пробуя крови. Но он ещё не полностью изменился.

— Хочешь сказать, он ещё не Аристократ?

— Аристократы уже почти уничтожены. Настала эра людей. Однако это не означает, что всегда будет так.

— Почему? Почему ты выбрала его?

— Потому что он пришёл сюда, даже не слышав песню. Это и была истинная цель песни.

Есть и другие причины, которые я могу тебе назвать, но в них уже нет смысла.

— А что, если... — начал Прайс, и его голос стал заметно ниже. Свежая кровь продолжала литься с его плеча.

— А что, если он умрёт? — спросила дочь мэра, бросив косой взгляд на Рая. — В таком случае, возможно, это будешь ты.

В это мгновение Рай прикрыл глаза.

Со смертоносным свечением, исходящим из его глаз, Прайс бросился на грудь парня. Выхватив кинжал, он ударил парня одним движением.

Амне закричала.

Рай упал на землю в агонии.

Оставив кинжал в его груди, Прайс улыбнулся и сказал:

— Ди умер так же. Вы можете последовать за ним, пока я остаюсь здесь. Навеки! — голос и тело воина забились в унисон. Медленно опустив глаза, Прайс уставился на обнажённый клинок, выросший из его груди.

— Ди... — пробормотал Рай, поднимаясь снова, и не ранее, чем Охотник поднялся на ноги, яркая кровь хлынула изо рта прекрасного воина. Лезвие вышло из тела Прайса.

Повернув шею так, чтобы увидеть прекрасного молодого человека в чёрном, Прайс затем обернулся к Раю и застонал:

— Вы двое... Оба... с открытыми глазами... и удар прямо через сердце... Так вот как это происходит? Я думаю, песня... действительно была не для меня... Была ли? — последний вздох воина угас после того, как он упал на землю.

Аура гораздо более мерзкая, чем Рай когда-либо ощущал от Прайса, стала расползаться от слуг ночи.

— Если они не пьют человеческую кровь, я бы не стал называть их Аристократами, — сказал Ди, глядя на дочь мэра. — Пой песню ночи. Оставь мэра и двоих детей здесь, а остальные могут идти куда угодно.

— Но мы ожидали. Ждали очень, очень долго, — сказала дочь мэра, словно её мысли унеслись вдаль. — Для меня это были двадцать лет. Но для Великого...

— Пожалуйста, позволь мне пойти, Ди, — сказал Рай. — Теперь я думаю, что понял всё. В особняке, в лаборатории, о которой ты не знал, я пройду последний этап. Пожалуйста, не вмешивайся.

— Вы все могли бы исцелиться, — сказал Ди, и его слова перекрыл скорбный вой.

— Это правда! Не ходи. Ты не можешь уйти и стать одной из этих тварей! — когда дочь мэра схватила её за руки, Амне начала дико бить её.

— Всё в порядке. Я хочу попробовать и увидеть всё. Попробовать и увидеть тот мир, что и женщина, которая пела эту песню, — затем парень повернулся и сказал: — Мне жаль, Амне, но я хочу, чтобы ты пошла с нами, — возможно, он сделал это, чтобы контролировать Ди — если он вмешается, она будет убита.

Вся группа вошла в особняк. Из коридора они прошли в лабораторию.

Когда уже казалось, что это конец, кристально-чистый голос ворвался в сознание всех присутствующих.

— Всё кончено, — сказала дочь мэра.

Женщина у окна прекратилась в туман, растворяясь в лунном свете.

Дочь мэра отшатнулась. Раю и Амне показалось, что девушка что-то втянула в себя.

Двое, что были одним целым — казалось, это не было вне пределов науки Аристократов — создать такое существо.

— И теперь, настало время выполнить наше последнее задание, — сказала дочь мэра своим спутникам.

— Остановите их, мистер Ди! — закричала Амне изо всех сил.

— Не делай этого, Ди, — сказала другая девушка, пытаясь остановить его. — Раньше ты не пытался убить нас. Как ты и сказал, мы не пьем крови.

А он собирается стать чем-то большим.

— Кажется так, — сказал Рай с улыбкой. — Позаботься об Амне и мэре. Уже так долго.

— Нет, ты не можешь! — закричала Амне, вырываясь, пока одна её рука не освободилась от её пленителя.

Специфический запах разлился по комнате. Несколько красных пятен появились на руке Амне. Когда она боролась изо всех сил, чтобы освободиться, она была оцарапана ногтями.

— Ди! — закричала Амне.

Дочь мэра открыла рот и показала пару клыков.

Они снова были в подвале концертного зала. Видимо, все они смогли проигнорировать запах крови Прайса. Но когда все они устремились к Амне, каждый из них был сражён деревянным колом в грудь или обнажённой сталью.

Дочь мэра упала на пол и в считанные секунды обратилась в прах. Словно мелкая пыль, которой была окутана история этого дома, её останки сверкали в лунном свете.

Остался только Рай.

— У меня ещё не выросли клыки, но кто знает, что может произойти дальше, — сказал он. — Возможно, будет лучше, если ты сбежишь от меня прямо сейчас.

— Остановись! — закричала Амне, бросаясь между ним и Охотником. — Мэр и я будем следить за тем, что будет дальше. Если он превратится в Аристократа — тогда мы...

Амне запнулась.

— Она сказала, что он ещё не прошёл последнюю стадию, так? — сказала мэр. Видимо, освобождаясь от власти дочери, она тряхнула головой, продолжив: — В таком случае, полагаю,

есть шанс, что он снова может стать обычным человеком. Однако... — она замолчала. — Я на самом деле не знаю, — продолжила она. — Хотя я разговаривала со своей дочерью много раз о людях и Аристократах, нет такого пути, в котором можно быть уверенным. Как ты думаешь, что будет лучше? Что ты собираешься делать, Ди?

Его ответом стала тишина.

Залитые лунным светом четыре фигуры просто стояли там, словно философы, дожидаящиеся ответа, который никогда не придёт.

Несколько минут спустя Ди пересёк двор и покинул особняк. Оседлав своего коня, он посмотрел на здание ещё раз перед тем, как уехать. Силуэты мелькали в освещённом окне. Было ли их два, или три? Быстро отвернувшись, Ди пришпорил лошадь.

Вскоре после того, как чёрный всадник растворился в темноте, нежный голос поплыл в ночи. Невозможно было сказать, мужчина это или женщина. Но это был ноктюрн.

<http://tl.rulate.ru/book/51824/2337707>